

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

С.Л. РУБИНШТЕЙН И Б.Ф. ЛОМОВ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЙ*

© 2000 г. В. А. Барабанщиков

Докт. психол. наук, зав. лабораторией методологии, ИП РАН, Москва

Проводится сравнительный анализ концептуальных представлений двух выдающихся российских психологов. Показано, что ряд теоретических положений, разработанных С.Л. Рубинштейном (подход к проблеме человека, метод психологического познания, содержание категорий “отражение” и “деятельность”), играет роль основания, которое конкретизируется в методологических, теоретических, экспериментальных и практических исследованиях Б.Ф. Ломова.

Ключевые слова: человек, психология, диалектика, системный подход, отражение, деятельность.

На первый взгляд между С.Л. Рубинштейном и Б.Ф. Ломовым мало общего: они принадлежат к разным поколениям и научным школам, занимались разработкой разных проблем, играли в развитии отечественной психологии различную роль. Вместе с тем более внимательный анализ обнаруживает между ними глубокую внутреннюю связь. Во-первых, Рубинштейн и Ломов были яркими представителями смежных микроэпох развития отечественной науки: если поколение Рубинштейна разрабатывало основание, или фундамент новой психологии, то поколение Ломова возводило нижние этажи самого здания. Во-вторых, существует известная близость школ С.Л. Рубинштейна и Б.Г. Ананьева, к которой принадлежал Б.Ф. Ломов, а значит сходство развиваемых идей и подходов. В-третьих, и Рубинштейн, и Ломов в разные исторические периоды стояли перед необходимостью методологически осмыслить современное им состояние психологии, отразить тенденции и наметить пути ее развития. В-четвертых, их роднит решение одной и той же научно-организационной задачи – создание в Академии наук сильного психологического исследовательского центра. Открыв в 1971 г. Институт психологии, Ломов, по существу, завершил работу, начатую Рубинштейном в 40-е гг. В-пятых, и Рубинштейн, и Ломов придерживались коллегиального способа исследовательской деятельности, собирая воедино и опираясь на все полезное и ценное, что сделано в мировой и отечественной науке. Наконец, в-шестых, в чисто человеческом плане их объединяет редкая способность брать на себя полноту ответственности за судьбы вверенных им людей. Добавлю, что они не были кабинетными учеными, оторванными от событий

реальной жизни: всегда занимали ясную гражданскую позицию, принимая самое активное участие в построении современной им психологической науки, образования и практики. Вполне закономерным представляется также тот факт, что ученики и соратники Сергея Леонидовича вошли в состав созданного Б.Ф. Ломовым Института психологии и, опираясь на глубоко эвристичную концепцию Рубинштейна, успешно разрабатывают вопросы теории и методологии психологической науки, проблемы психологии познания, личности, социальной психологии и многие другие.

Б.Ф. Ломов неплохо знал труды Сергея Леонидовича, особенно “Основы общей психологии” (1946) и “Принципы и пути развития психологии” (1959). Наряду с Б.Г. Ананьевым и П.К. Анохиным Рубинштейн входил в группу авторов, на которых Ломов (1984) ссылался наиболее часто и идеи которых пытался конструктивно использовать и развивать.

В данной работе я кратко рассмотрю содержание психологических концепций Рубинштейна и Ломова, сделаю акцент на главных линиях их соприкосновения, характеризующих преемственность научных традиций.

Прежде всего это глубокий интерес к проблеме человека, который устойчиво воспроизводится в российской науке и общественно-политической мысли с середины XIX в. Очевидно, что в психологии то или иное понимание человека – “альфа и омега” любых конкретных исследований.

Данная проблема разрабатывалась Рубинштейном на философско-методологическом уровне в терминах соотношения человека как реального практического существа и его бытия и имела не только мировоззренческий, но и нравственный смысл. Отношения человека к бытию полагались как объективные, а сам человек выступал в

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 98-06-08079а.

качестве субъекта разнообразных форм и проявлений жизни. Поскольку специфика человеческого бытия виделась в общественном способе существования, в качестве центрального выделялось отношение человека к другим людям. Тем самым открывалась возможность наполнения понятия человек гуманистическим содержанием.

Предложенная концепция задавала принципиально новые пути конкретно-психологического исследования (во многом пока еще не пройденные позитивной наукой), а также определяла способ интеграции наук об обществе, природе и мышлении. Отмечу, что с проблемой интеграции, или синтеза гуманитарных и естественных наук Рубинштейн столкнулся еще в студенческие годы, обучаясь философии в Марбурге (эта проблема была центральной и у его знаменитых учителей – Г. Когена и П. Наторпа), и перманентно возвращался к ней на протяжении всего творчества. В частности, методологический принцип единства сознания и деятельности, разработанный в 30-е гг., предназначался (в том числе) и для организации разнородного психологического знания.

Ломов рассматривал проблему человека в ином ключе: через призму позитивных наук, нередко в связи с решением практических задач. Согласно ему феномен человека выражает единство законов природы и общества, и в этом качестве является уникальным объектом исследования. Выявление основных свойств и отношений человека, закономерностей его организации и развития рассматривались Борисом Федоровичем в качестве важнейшей задачи научного познания. И антропоцентрический подход к анализу систем “человек–техника”, и понятие “активного оператора”, и шаги по активизации так называемого “человеческого фактора” – все это разные формы выражения гуманистической направленности его исследований. Однако, двигаясь по этому пути, исследователь рано или поздно оказывался перед проблемой места психологии в системе наук о человеке и связанной с ней проблемой синтеза знаний.

На рубеже 60–70-х гг. (т.е. уже после смерти Сергея Леонидовича) в психологической науке сложилась новая познавательная ситуация, в чем-то, однако, похожая на ситуацию 20–30-х.

Экстенсивное развитие психологии, сопровождавшееся возникновением новых отраслей, значительным расширением понятийного и методического аппарата, не только не приводило к качественному скачку психологического знания, но и снижало степень его организованности. Предмет психологии дробился на все более мелкие части, что затрудняло или делало невозможным сопоставление результатов, полученных разными методами и в разных понятийных контекстах. Создавалась почва для “окукливания” отдельных

направлений; порождались все новые и новые формы редукции (физиологическая, информационная, социологическая, деятельностная и др.), либо эклектики. На повестке дня вновь оказался вопрос о когерентности (т.е. связанности) психологической науки и возможности реконструкции разнородного знания в целостную картину психических явлений. Стратегия его решения связывалась Ломовым с подходом, позволяющим исследовать человека, его психику в качестве системы.

Здесь открывается еще одно пересечение концепций Рубинштейна и Ломова, но уже по линии метода, или наиболее общего принципа исследования.

Читая даже ранние труды Рубинштейна, трудно отделаться от ощущения, что они написаны современным автором. Так или иначе в них обнаруживаются элементы и понятийные конструкции, которые сегодня связываются с сущностью системного подхода. Это: указание на разнокачественность психических явлений и множественность форм их описания, выделение уровней организации психики и поведения, глубокая интерпретация их генеза, критика классического (лапласовского) детерминизма, подчеркивание процессуальности психического и др. Тем не менее Рубинштейн вряд ли можно причислить к родоначальникам современного системного движения, которое отчетливо проявило себя в 60-е гг.

Парадокс объясняется сравнительно просто: версия системного подхода в психологии, разработанная Борисом Федоровичем, представляет собой форму диалектики, которой виртуозно владел Сергей Леонидович. Величайшая заслуга Рубинштейна как методолога состоит в том, что он гармонично ввел идеи диалектики (противоречия, единства, многообразия, качественного скачка и др.) в предметное поле психологической науки. Причем сделал это не локально (прекрасные образцы диалектического мышления в психологии дали Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов и др.), а **тотально**, охватив всю психологию в целом. По существу, Рубинштейн заложил основы и разрабатывал **диалектическую психологию**, начав эту работу задолго до исследований Клауса Ригеля и его американских коллег [20].

В этой связи хотелось бы сделать следующее замечание. Иногда из-за океана к нам приходят броские запоминающиеся ярлычки, обозначающие одновременно характер, судьбу и место выдающегося психолога в истории науки. Вероятно, здесь есть какой-то смысл, тем более что об этом не устают говорить. Пользуясь подобным методом и музыкальным табелем о рангах, Рубинштейн можно было бы с полным основанием назвать Бетховеном в психологии. Больше, чем кому-либо из современников, ему удалось раскрыть

(особенно в рукописи “Человек и мир”) единство и многообразие человеческой жизни с ее радостями и страданиями, знанием и невежеством, прекрасным и безобразным. Диалектика жизни, бытия сполна воплотилась и в характере, и в судьбе Сергея Леонидовича.

Ломов использовал идеи Рубинштейна (прежде всего принцип детерминизма и механизм анализа через синтез) в качестве **важнейшей предпосылки** системных исследований психики наряду с философско-методологической разработкой принципа системности В.П. Кузьминым; представлениями о системной организации психических процессов и функций человека, сформулированными Б.Г. Ананьевым, теорией функциональной системы П.К. Анохина и концепцией свойств нервной системы Б.М. Теплова и В.Д. Небылицина. Ломову удалось объединить системные представления и наработки, разбросанные по различным областям психологии, а сам принцип системности предложить в качестве стержневого инструмента психологического познания. Две ключевые идеи образуют нерв и определяют лицо его исследований: представление о **полисистемности** бытия человека и **интегральности** его качеств и свойств. Обе идеи теснейшим образом связаны с философско-психологической концепцией Рубинштейна, развивают ее положения. Ярким примером могут служить представления о системной детерминации психики и поведения, сформулированные Ломовым в плане конкретизации принципа детерминизма.

Третьей линией, или, точнее, зоной соприкосновения двух концепций, является предметная область психологической науки: сходство взглядов на содержание базовых категорий, в частности психического отражения и деятельности, и их роли в организации психологического знания.

Подход С.Л. Рубинштейна к проблеме отражения и деятельности базировался на представлении о **единстве**, или диалектике **внешнего** и **внутреннего** (еще одна “сквозная” тема творчества Сергея Леонидовича), под которыми в первую очередь понимались условия существования и развития человека. Любое воздействие рассматривалось как взаимодействие, в котором эффект внешних причин с необходимостью корректируется внутренними условиями; внутреннее так или иначе обуславливает внешнее. На разных уровнях бытия (физическом, биологическом, социальном) содержание внешнего и внутреннего, а также характер их соотношения принимают различные формы; чем выше уровень организации, тем сложнее и многограннее взаимосвязь внешнего и внутреннего, тем более радикальному преобразованию подвергаются воздействия, идущие со стороны, и гибче осуществляемая активность.

Наиболее полно и глубоко данные представления воплотились в принципе детерминизма [14], согласно которому внешнее преломляется через внутреннее: отражение действительности опосредствуется психической деятельностью субъекта, который так или иначе видоизменяет саму действительность. Единая непрерывающаяся цепь объективных событий оказывалась замкнутой на субъекте и его свойствах. Раскрыть закономерности внутреннего, а это генеральная задача психологической науки, значит указать способы преобразования объекта в процессе отражения и регуляции деятельности субъекта. Выступая в качестве исходной методологической установки, принцип детерминизма подчеркивал порождающую (активную) роль внутренних условий и необходимость самодвижения, собственной логики существования и развития психического.

В отечественной науке категория отражения, как правило, связывалась с сущностью психического и занимала центральное место. Любые психические явления рассматривались в качестве видов или форм субъективного отражения человеком объективной действительности (И.М. Сеченов, Н.Н. Ланге, Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов и др.).

Рубинштейн, а затем и Ломов исходили из того, что эта категория выражает два принципиальных момента. Во-первых, *включенность психики во всеобщую взаимосвязь явлений материального мира*. Обосновывая это положение, Рубинштейн вводил новый, онтологический план анализа психики, раскрывающий закономерности ее внутреннего движения. Основным способом существования психического полагался процесс. Во-вторых, *источником многообразного содержания психических явлений выступает окружающий человека мир, конкретные обстоятельства его жизни*. Отражая действительность, человек получает возможность ориентироваться в ней, выражать себя как целостность и регулировать свое поведение.

Поскольку отражение, образы действительности не существуют сами по себе, а принадлежат субъекту – реальному практическому существу, их содержание всегда оказывается пристрастным, незеркальным. Именно субъект несет модус активности и выполняет роль интегрирующего звена, которое объединяет различные феномены психики и уровни ее организации. Обращение к понятию *субъект* позволяло преодолеть сложившиеся в психологии противопоставления когнитивной и личностной сфер психики, разрыв процесса отражения и его продукта, внешнюю связь психических явлений и предметно-практической деятельности.

Эмпирическая экспликация психического как процесса была выполнена С.Л. Рубинштейном и

его учениками на материале психологии мышления [6, 15, 16, 19]. Б.Ф. Ломов конкретизировал сходные представления в экспериментальных исследованиях осязания, зрительного восприятия, памяти, представлений и антиципации [2, 3, 10, 12]. Эти работы позволили дать развернутую характеристику процесса психического отражения и его связи с деятельностью.

Раскрыв с позиций системного подхода содержание узловых образующих психического процесса (его структуру, функции, свойства, механизмы, уровни организации, детерминацию), Ломов [9] сформулировал основы **системной концепции психического отражения**. Именно с ней, а не с системным подходом в психологии как таковым соотносимы предметно-ориентированные концепции психического, в частности теория деятельности (А.Н. Леонтьев) и теория установки (Д.Н. Узнадзе).

В последние годы понятие *отражение* нередко оказывалось объектом критики за его якобы реактивный характер и непосредственную связь с устаревшими формами идеологии. Однако лингвистические изыскания по поводу слова “отражение” (разить, раж и т.п.) мало что доказывают или опровергают, а отношение к конкретной идеологии пока еще не является критерием истины. Понятие *отражение* фиксирует важный для психологии и неперестающий удивлять момент бытия: представленность одной реальности в другой, в том числе мира в человеке. И Рубинштейн, и Ломов всегда полагали в этой представленности активное творческое начало и никогда не сводили психическое, сознание к отражению. Действительная трудность заключается в том, чтобы “удерживать” психическое явление в единстве его свойств и отношений, рассматривая одновременно и как образ мира, и как переживание человека, и как регулятор его активности, и как свойство функционирующего мозга. Абсолютизация отражения (как это уже случалось в истории психологии) неминуемо ведет к гносеологизации чувственно-практических отношений человека с миром и превращению их в идеальные формы (структуры индивидуального сознания).

Проблема отражения теснейшим образом связана с проблемой деятельности, приоритетная роль С.Л. Рубинштейна в постановке и разработке которой представляется несомненной. По существу все выдвинутые им крупные теоретические идеи: принцип творческой самостоятельности (20-е гг.), принцип единства сознания и деятельности (30–40-е гг.), принцип детерминизма (50-е гг.) в первую очередь касались практических взаимоотношений человека с миром.

Не без влияния Рубинштейна Ломов рассматривал деятельность в общественно-историческом ключе, фиксирующем одну из форм преобразо-

вания действительности человеком. По его мнению, деятельность должна анализироваться на уровне как индивидуального, так и общественного бытия. В деятельности же индивида, который реализует конкретную общественную функцию, психологию интересует не ее содержание или структура сами по себе, а субъективный план: формы, виды, уровни и динамика психического отражения человека, преобразующего бытие. Именно в деятельности психическое раскрывается как развивающееся целое (система); сама же деятельность образует одну из основных детерминант психических явлений.

В решении сложнейшего вопроса о соотношении психики и деятельности Ломов опирался на концепцию единства внешнего и внутреннего [13, 14], согласно которой психика не может рассматриваться как особая (внутренняя, интериоризованная) деятельность, тождественная по своему строению деятельности внешней. Во-первых, это порождает необоснованное удвоение деятельности, ее дублирование. Во-вторых, такая трактовка психики предполагает идею интериоризации (“вращивание” деятельности из вне во внутрь), механизм которой остается невыясненным. В-третьих, известные “феномены интериоризации” могут быть интерпретированы в терминах динамики форм и уровней психического отражения. Принципиальное решение вопроса заключается не в том, чтобы сводить внешнее к внутреннему (или наоборот), а в изучении структуры и динамики психических процессов, которые регулируют ту или иную деятельность.

Представления о психологическом строении индивидуальной деятельности были разработаны Ломовым на материале исследований различных видов операторского труда [7, 8, 10, 12]. Он показывал, что индивидуальная деятельность лишь компонент, или составная часть совместной деятельности людей. Понять индивидуальную деятельность в целом – значит определить ее место в совместной деятельности и функцию данного индивида в группе. По мнению Бориса Федоровича, исследования совместной деятельности позволяют по-новому подойти к анализу единиц, структуры, уровней организации и развития деятельности, дать более глубокое понимание ее субъекта и функций (когнитивной, коммуникативной и регулятивной) психики. Эти исследования подвели к психологическому анализу другой очень важной стороны человеческого бытия – к общению. Отношение человека к себе подобному, раскрытое Рубинштейном в социально-философском и этическом планах, наполнялось Ломовым конкретно-психологическим содержанием и получало статус основания психических явлений.

Резюмируя сказанное, хотелось бы еще раз подчеркнуть близость, или тесную связь концеп-

туальных представлений двух выдающихся психологов. Ряд ключевых теоретических положений, разработанных С.Л. Рубинштейном, играет роль основания, которое конкретизируется в методологических, теоретических, экспериментальных и практических исследованиях Б.Ф. Ломова и продуктивно развивается. В то же время это не снимает существующих различий и возможность конструктивного диалога школ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М.: Наука, 1989.
2. Ананьев Б.Г., Веккер Л.М., Ломов Б.Ф., Ярмоленко А.В. Осознание в процессах познания и труда. М.: АПН РСФСР, 1959.
3. Андреева Е.А., Вергилес Н.Ю., Ломов Б.Ф. Механизм элементарных движений глаз как следящая система // Моторные компоненты зрения. М.: Наука, 1975. С. 7–55.
4. Барабаничиков В.А. Проблема психического отражения в трудах Б.Ф. Ломова // Психол. журн. 1994. № 5. С. 5–12.
5. Барабаничиков В.А. Принцип системности в психологической концепции Б.Ф. Ломова // Психол. журн. 1997. № 1. С. 3–9.
6. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.
7. Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А. Образ в системе психической регуляции деятельности. М.: Наука, 1986.
8. Ломов Б.Ф. Человек и техника: очерки инженерной психологии. М.: Радио и связь, 1966.
9. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
10. Ломов Б.Ф. Вопросы общей, педагогической и инженерной психологии. М.: Педагогика, 1991.
11. Ломов Б.Ф. Системность в психологии. М.: АПСН, 1995.
12. Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980.
13. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946.
14. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: АН СССР, 1957.
15. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: АН СССР, 1958.
16. Рубинштейн С.Л. (ред.) Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения. М.: АН СССР, 1960.
17. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
18. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101–107.
19. Славская К.А. Мысль в действии. М.: ИПЛ, 1968.
20. Riegel K. Toward a dialectical theory of development // Human development. 1975. V. 18. P. 50–64.

S.L. RUBINSHTEIN AND B.F. LOMOV: THE SUCCESSION OF SCIENTIFIC TRADITIONS

V. A. Barabanshchikov

Dr. sci. (psychology), professor, head of the lab., IP RAS, Moscow

The comparative analysis of two outstanding Russian psychologists' conceptions is represented. It is shown that some propositions elaborated by Rubinshtein (the view on a problem of a man, the method of psychological cognition, the essence of "reflection" and "activity" categories) are the basis which is given concrete expression in methodological, theoretical, experimental and practical researches of B.F. Lomov.

Key words: the man, psychology, dialectics, system approach, reflection, activity.